
Вея Ракитова
БИБЛИОТЕКА
НЕЖИВЫХ СУДЕБ

Вея Ракитова

БИБЛИОТЕКА НЕЖИВЫХ СУДЕБ

https://litres.ru/74722487
SelfPub; 2026

Аннотация

«Библиотека неживых судеб» - история о том, как перестать мерить свою жизнь чужими успехами.

Норе тридцать два. В день рождения она сама себе купила торт и загадала простое желание: «Хочу знать, что моя жизнь - не ошибка». А потом зашла в старую библиотеку и унесла оттуда книгу без названия. Она умеет показывать дороги, по которым ты когда-то не пошёл, - чтобы ты наконец увидел: за каждым «если бы» прячется своя боль и своё счастье.

Это тихий, но смелый шаг - разрешить себе считать настоящей ту жизнь, которая уже есть.

Содержание

Глава 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
Глава 1. Тридцать два свечи 5
Глава 2. Библиотека, которой не было 10
Глава 3. Жизнь первая. Лондон, дождь, и запах чужих картин 16
Глава 4. Жизнь вторая. Маленькая рука в моей руке 22
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Вея Ракитова
БИБЛИОТЕКА НЕЖИВЫХ СУДЕБ

Глава

«БИБЛИОТЕКА НЕЖИВЫХ СУДЕБ»
роман

Посвящается всем, кто хотя бы раз листал чужие фотографии и забывал, что у него есть своя жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КТО Я БЕЗ ВСЕХ
Вея Ракитова

Глава 1. Тридцать два свечи

Тридцать два. Чётное, скучное, взрослое число. Я знаю его наизусть уже целый день - оно написано на торте, который я купила себе сама, в кондитерской у дома, потому что кто-то должен был это сделать, а больше было некому.

Я ставлю свечи. Считаю их - почему-то я всегда боюсь, что мне положат лишнюю, и тогда желание исполнится неправильно, хотя в тридцать два года я уже не верю в желания. Я верю в платежи, в дедлайны, в то, что кофе надо пить до двенадцати, иначе не уснёшь. Это и есть взрослость: набор правил, которые ты придумала себе сама, чтобы не развалиться.

Зажигалка щёлкает. Огоньки дрожат, отражаются в тёмном окне - и там, в отражении, стоит женщина, которую я почти не узнаю. Волосы собраны так, чтобы не мешали. Лицо без косметики, потому что не для кого. В руке - телефон, потому что телефон - это то, за что держишься, когда боль-

ше не за что.

Я закрываю глаза. Загадываю желание - честно, как в детстве, когда это было важно.

Я хочу знать, что моя жизнь - не ошибка.

Я задуваю свечи. Дым тонкой струйкой поднимается к потолку. В квартире тихо - так тихо, что слышно, как на кухне капает кран, и я думаю: это и есть звук моей жизни. Кап. Кап. Кап. Одинаковые дни, одинаковые вечера, одинаковые вещи на одинаковых местах.

Потом я делаю то, что делает каждый человек в мой день рождения, - открываю телефон.

У Даши - новые фото. Она на Мальдивах, в белом платье, с коктейлем цвета заката. Подпись: «Жизнь удалась». Я ставлю лайк, потому что если не поставить, она спросит, и мне придётся объяснять, почему я не поставила, а объяснять нечего - она просто счастлива, а я нет, и это не её вина.

У Лены из института - третий ребёнок. Крошечное сморщенное чудо спит у неё на груди. Подпись: «Наше маленькое счастье». У Марка, моего бывшего, - новая машина, и на зеркале заднего вида висит тот самый брелок, который я

подарила ему шесть лет назад. Странно, что я это замечаю. Ещё страннее - что мне больно.

Я листаю. Листаю. Листаю. Чужие беременности, чужие свадьбы, чужие дипломы, чужие ремонты, чужие кошки, чужие утра в Париже и чужие закаты в Тбилиси. Мир, в котором у всех всё получилось. Мир, из которого я, кажется, выпала где-то на полпути.

Я была архитектором. Когда-то я хотела строить дома, в которых людям будет хорошо. Теперь я делаю планировки для офисов - одинаковые кубики, одинаковые перегородки, одинаковые коридоры. В моём последнем проекте восемьсот рабочих мест. Восемьсот человек, которые будут сидеть в кубиках, которые спроектировала я, и ненавидеть свои понедельники.

Мне тридцать два. У меня нет мужа. Нет детей. Нет студии, которую я обещала себе открыть в двадцать пять, потом в двадцать восемь, потом «когда-нибудь». Есть ипотека, которую я взяла одна, потому что «сильной женщине никто не нужен», и есть альбом с набросками, который я не открывала три года, потому что рисовать «несерьёзно» и «на этом не заработаешь» - это я говорила себе сама, голосом, который со временем стал звучать как чужой.

Я достаю торт. Ем прямо из коробки, стоя над раковиной, как едят люди, которым некогда или незачем накрывать на стол. Крем сладкий, приторный, с привкусом того, что праздник не состоялся.

За окном - город. Огни. Кто-то там смеётся, кто-то влюбляется, кто-то рожает, кто-то умирает, кто-то начинает новую жизнь, а я стою на своей кухне в тридцать два года и думаю о том, что время, оказывается, не лечит. Оно просто проходит. И уносит с собой все «если бы», которые я копила, как монеты, которые уже не разменять.

- Если бы я тогда согласилась на стипендию... - говорю я вслух пустой квартире.

- Если бы я не бросила рисование...

- Если бы я не отпустила Марка...

- Если бы я родила в двадцать...

Голос мой звучит странно. Как будто в квартире кто-то есть и слушает.

Я смотрю в тёмное окно. В нём - я. Женщина с тортом в руке и телефоном в другой руке. Между этими двумя руками

- вся моя жизнь, и она кажется мне неудавшейся, хотя, если честно, я не могу сказать, что я сделала что-то неправильно. Я просто... выбирала. Всё время выбирала безопасное. И теперь безопасность - это моя тюрьма, а ключ я выбросила сама, потому что он казался мне слишком рискованным.

Где-то далеко, за несколько кварталов отсюда, на улице Чернышевского, стоит старая библиотека, которую я прохожу каждый день по дороге на работу. И в ней, я потом узнаю, есть отдел, в котором нет ни одной книги с названием. Ни одной живой души. Только судьбы, которые не случились.

Но сейчас я этого ещё не знаю.

Сейчас я просто стою на кухне в тридцать два года, доедаю свой день рождения и пытаюсь не заплакать, потому что плакать в свой день рождения - это признак того, что жизнь не удалась, а я ещё держусь за эту иллюзию: что если не признавать боль, то её нет.

Телефон гаснет. В отражении окна я вижу только себя.

- Ну и кто ты? - спрашиваю я тихо.

И впервые за долгое время я не знаю ответа.

Глава 2. Библиотека, которой не было

Я заметила её в четверг, в семь сорок утра, по дороге на работу.

Вообще-то я замечала её всегда. Старое здание из красного кирпича на Чернышевского, с вывеской «Городская библиотека им. Н. Ф. Крылова», с облупившейся краской и табличкой «Работает с 9:00». Я проходила мимо неё тысячу раз за десять лет, и ни разу - я готова в этом поклясться — ни разу за десять лет я не видела, чтобы кто-то входил в её двери.

Но в четверг, в семь сорок утра, в её окнах горел свет.

Не жёлтый, привычный, а тёплый, как от свечей. Я остановилась. Я не знаю, почему я остановилась - я опаздывала, у меня была планерка, и вообще я не из тех, кто останавливается. Но я остановилась, и в этот момент дверь - тяжёлая, дубовая, с латунной ручкой, которую за сто лет отполировали тысячи ладоней, - приоткрылась сама. Щель. Тёмная. Пахло из неё пылью и чем-то ещё - чем-то сладким, как ваниль, и горьким, как осень.

Я должна была пройти мимо. Я пошла. Прошла три шага. Остановилась.

- Один раз, - сказала я себе. - Ты зайдёшь, посмотришь, и всё.

Внутри было темно. Не как в библиотеке - темно и пусто, а как-то... по-другому. Как будто воздух здесь был плотнее, и в нём плавали слова, которые ещё никто не произнёс. Лампы горели только у дальней стены, где за массивной конторкой сидела женщина - старая, очень старая, с седыми волосами, собранными в пучок, и глазами, которые, когда она подняла их на меня, оказались... молодыми. Совершенно, неестественно молодыми. Глазами девушки. Глазами, в которых стояла тишина.

- Здравствуйте, - сказала я, потому что надо было что-то сказать. - Я... просто посмотрю.

- Конечно, - ответила она, не улыбнувшись, но и не рассердившись. - Ты всегда можешь посмотреть. Но если хочешь найти - тебе сюда.

Она кивнула в глубину зала. Там, между стеллажами, в полумраке, я увидела дверь. Маленькую. Обитую тёмной кожей, с табличкой, на которой было выбито одно слово.

«ОТДЕЛ НЕЖИВЫХ СУДЕБ»

Я засмеялась. Коротко, нервно.

- А это что, шутка такая? Квест?

- Нет, - серьёзно сказала женщина. - Это самый честный отдел в этой библиотеке. Туда не пускают тех, кто доволен своей жизнью. Тебе, я вижу, можно.

Мне стало не по себе. Я хотела уйти - правда хотела, - но ноги сами понесли меня между стеллажами. Книги справа и слева - я краем глаза видела корешки с названиями: «Если бы я уехала в Париж», «Если бы я сказала да», «Если бы я не боялась», - сотни, тысячи книг, и все одинаковые: тёмные, с золотым тиснением, без имён авторов.

Дверь открылась от лёгкого касания.

Внутри была комната. Маленькая. Посреди - стол, на столе - одна книга.

Она была красивой. Тёмно-синяя, почти чёрная обложка, кожа, на которой не было ничего - ни названия, ни автора, ни золотого тиснения. Пустая. Я протянула руку - и в этот

момент откуда-то с потолка, или из стен, или из самой книги, раздался голос. Женский. Мягкий. Мой собственный голос - я узнала бы его из тысячи, хотя звучал он так, будто говорил кто-то, кто знает меня лучше, чем я сама.

- Ты готова увидеть, чем могла бы быть?

Я отдёрнула руку. Сердце колотилось.

- Кто здесь? - спросила я в пустоту.

Тишина.

Я оглянулась. Дверь была открыта - за ней виднелся знакомый зал, женщина за конторкой. Всё нормально. Всё обыкновенно. Просто старая библиотека, просто старая женщина, просто странная комната, в которой пахло пылью и ванилью.

- Я не готова, - сказала я вслух. - Я вообще не знаю, что я здесь делаю. Мне на работу.

Я вышла. Дверь за мной закрылась сама - бесшумно, мягко.

На улице шёл обычный дождь, обычный город, обычный четверг. Я дошла до метро - и только там, у эскалатора, за-

метила, что в руке у меня что-то есть.

Книга. Та самая. Тёмно-синяя, пустая, с ладошку размером.

Я не помнила, как взяла её.

Я разжала пальцы, чтобы выбросить её в урну, - и не смогла. Не потому, что пожалела, а потому, что обложка вдруг потеплела, как будто книга была живой. Я открыла её - там, у эскалатора, среди спешащих людей, - и увидела первую страницу.

На ней было написано:

«Самая опасная книга - не та, в которой написана ложь. А та, в которой написана правда о тебе самой».

И ниже - каллиграфическим почерком, выведенным, как мне показалось, только что, живыми чернилами:

«Норина Семионова. Родилась. Живёт. Не живёт. - Открой следующую страницу, когда будешь готова увидеть жизнь, которую ты не прожила».

Я захлопнула книгу. Сунула её в сумку. На работу я опоз-

дала на сорок минут, и начальник сделал мне выговор, а я сидела в своём кубике и смотрела на сумку, в которой лежала книга без названия, и думала только об одном.

Что значит - «не живёт»?

Глава 3. Жизнь первая. Лондон, дождь, и запах чужих картин

Я открыла книгу в полночь.

Лежала в кровати, не могла уснуть, смотрела в потолок и считала свои неудачи, как овцы, - и тут вспомнила. Книга. Я достала её из сумки, положила на колени. Обложка была тёплой, как будто её кто-то держал.

- Ну и что ты мне покажешь? - спросила я.

Книга сама открылась на второй странице.

И мир - я не знаю, как это описать иначе, - мир сделал шаг в сторону.

Сначала я почувствовала запах. Дождь - но не наш, не питерский, а другой: чистый, холодный, с ноткой выхлопных газов и мокрого асфальта. Потом - звук: двойные автобусы, гудки, разговор на английском, который я понимала без усилий. Потом - свет. Серый. Английский. Лондонский.

Я стояла на тротуаре перед высоким зданием с чёрной вывеской, на которой золотом было выведено: SOTHEBY'S.

Я - стояла. Я - в Лондоне. У меня в руках - чашка кофе, на запястье - часы, которых я не покупала, на пальце - кольцо, которого у меня нет. Я посмотрела в тёмное стекло двери и увидела отражение: ухоженную женщину в идеальном пальто, с идеальной укладкой, с идеальным, чуть усталым лицом.

Женщину, которая была мной. Только другой.

И тогда я вспомнила. Стипендия. Двадцать два года. Мне предложили годовую программу по истории искусств в Лондоне - я прошла конкурс, получила грант, собрала чемодан... и не поехала. Потому что испугалась. Потому что мама сказала «а как же ты тут без меня», потому что Марк сказал «а как же мы», потому что мне казалось, что я не достаточно хороша, чтобы быть среди тех, кто говорит о Рембрандте с придыханием.

В этой жизни - я поехала.

В этой жизни я стала экспертом Sotheby's. Я оцениваю картины - я, Нора, которая не открывала свой альбом три года. Я держу в руках полотна, которым по триста лет, и рас-

сказываю миллионерам, сколько стоит чужое бессмертие. У меня квартира в Челси с видом на Темзу. У меня гардероб, в котором вещи стоят больше, чем моя годичная зарплата в том мире. У меня имя, которое цитируют в каталогах.

Я - состоялась.

Я вошла в здание. Коллеги здоровались со мной - уважительно, чуть с опаской. Секретарша напомнила, что в три у меня встреча с клиентом из Дубая, а в шесть - вернисаж, и что госпожа Семионова должна утвердить список гостей. Госпожа Семионова. Это я.

День прошёл как во сне. Я смотрела на картины - и понимала, что знаю их, люблю их, что я потратила годы на то, чтобы научиться видеть. Я, которая в том мире бросила рисовать, потому что «на этом не заработаешь», - здесь я зарабатывала на том, что другие рисовали. Это казалось жестокой иронией. Или справедливостью.

Вечером я вернулась в квартиру. Большую. Пустую. Идеально убранную - потому что убирала её женщина, которой платили, а не я. В холодильнике - дорогие продукты, которыми никто не ужинает. На столе - приглашение на свадьбу кого-то из коллег, и я поняла, что мне не с кем пойти.

Я подошла к окну. Лондон светился внизу - миллионы огней, миллионы жизней. А я стояла в своей идеальной квартире, в своём идеальном пальто, с идеальной карьерой - и чувствовала, как внутри у меня, в том месте, где должна была жить я сама, гуляет холодный сквозняк.

Телефон зажужжал. Сообщение от ассистентки: «Напоминаю, завтра в 8:30 оценка коллекции Уитмора. Госпожа Уитмор просила лично вас». Я ответила «ОК» - коротко, без единой эмоции, - и поняла, что за последние годы я так и не написала ни одного длинного сообщения. Не потому, что некому. А потому, что я разучилась говорить с людьми иначе, чем о цене.

Я села на диван. Взяла с журнального столика каталог - и вдруг заметила, что под ним, на самом дне стопки, лежит альбом для рисования. Мой. Такой же, как тот, что я прятала дома, в ящике стола, под бумагами.

Я открыла его. В нём были рисунки - карандашом, углём. Дом на берегу. Девочка с косичками. Женщина, похожая на мою маму. И в конце - набросок: маленькая студия, окно, за окном - деревья, на мольберте - неоконченная работа.

Под ним было написано моим почерком:

«Когда-нибудь. Когда решу, что заслужила».

Я захлопнула альбом. Сердце билось так, что я слышала его в ушах.

Эта Нора - она была успешной. Она была богатой. Она была признанной. И она - она всё ещё прятала альбом под стопкой каталогов, потому что не разрешала себе рисовать. Потому что боялась, что если начнёт - то провалит и это.

Я заплакала. Впервые за эту жизнь - впрочем, я не знала, сколько эта Нора плакала, - я заплакала, стоя посреди своей лондонской квартиры, и поняла одну вещь, от которой стало холодно:

Успех не лечит. Он просто даёт более дорогую клетку.

А потом мир сделал ещё один шаг - обратно. И я снова лежала в своей кровати, в своей маленькой квартире, и в руке у меня была книга, на странице которой проступали, исчезая, слова:

«Жизнь первая: ты стала той, кем хотела. Ты не стала счастливее. - Открой следующую страницу, когда будешь готова».

Я смотрела в потолок до утра.

Утром я впервые за долгое время не взяла телефон, листая чужие жизни. Я взяла альбом - тот самый, пыльный, из ящика - и положила его на стол. Не открыла. Просто положила. Как обещание самой себе.

Глава 4. Жизнь вторая. Маленькая рука в моей руке

Я открыла книгу через два дня.

Я боролась с собой - честно боролась. Убирала её в ящик, под бельё, на антресоль. Но книга всегда оказывалась на подушке, или на кухонном столе, или в кармане пальто. Она пахла пылью и ванилью, и я знала: я всё равно открою её. Потому что что-то во мне - то самое, что заставило меня остановиться у дверей библиотеки, - хотело увидеть. Хотело знать.

- Ладно, - сказала я книге. - Показывай.

Книга открылась на третьей странице - и мир шагнул в сторону.

Запах. Молоко, детский шампунь, ваниль, чуть-чуть - пережаренные котлеты. Звук: детский смех - пронзительный, счастливый, заливистый, - и мой собственный голос, который говорил:

- А кто у нас такая красивая? А кто у нас такая мамина? А ну-ка, кто тут у нас?

Я открыла глаза.

Я стояла на кухне в маленькой квартире - не моей, но знакомой, - и у меня на руках был ребёнок. Девочка. Год, может, полтора. С тёмными, как у меня, волосами и глазами - такими же, как у меня, только беззащитными, доверчивыми, огромными.

- Мама! - сказала девочка и потянулась ко мне пухлой рукой.

И я - я, которая никогда не держала на руках детей, которая боялась их, которая в двадцать лет сделала выбор, - я поняла, кто я здесь.

Эта жизнь. Я родила в двадцать. Я не поехала в Лондон - я забеременела, и я осталась, и я родила. Отец ушёл, когда дочке было два года - в этой жизни ему было двадцать два, и он не справился, и это не его вина, и не моя, просто так бывает. Я растила её одна. Работала сначала продавцом, потом администратором в салоне, потом выучилась на маникюр - чтобы быть рядом, чтобы водить её в сад и забирать, чтобы не пропускать.

Я посмотрела на свои руки. Другие руки. Ухоженные, но рабочие - с короткими ногтями, без колец. Руки женщины, которая всё делает сама.

- Ма-ма! - повторила девочка и постучала ладошкой мне по щеке.

Имя. У неё должно быть имя. Я заглянула вглубь памяти этой Норы и нашла: Алиса. Мою дочь зовут Алиса. В честь... я не помню, в честь чего. Кажется, просто красивое имя. Кажется, я назвала её так, потому что хотела, чтобы у неё была жизнь из сказки - не как у меня.

День прошёл - день, который я проживала не как гостья, а как хозяйка. Утром - сад, истерика из-за того, что Алиса не хотела надевать шапку, и я - я, у которой нет детей, - нашла слова, чтобы успокоить её. Днём - работа: клиентки, болтовня, маникюр, чужие руки в моих руках. Вечером - магазин, быстрые макароны, потому что Алиса устала и капризничает, и я ношу её на руках, и спина болит, и в кошельке осталось три тысячи до зарплаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.